

СООБЩЕНИЯ ПО РЕЗУЛЬТАТАМ ИССЛЕДОВАНИЙ

М.А. Глухова

МЕТАФОРИЧЕСКИЕ ФУНКЦИИ АРГОТИЧЕСКОЙ ЛЕКСИКИ

Многие исследователи, занимающиеся субкультурой и эзотерическими языками, отмечают их метафоричность в связи с обуславливающим психологию и стереотипы преступников существованием. М.А. Грачев, известный исследователь в области русского арго, также отмечает большой процент случаев метафоризации лексики арго – 78%. «Перенос лексических значений, – пишет он, – осуществляется, чаще всего по внешнему сходству. Особенностью лексико-семантического способа является использование универсальных метафор, при знании кода которых можно понять устойчивые словосочетания. Другой особенностью является перенесение свойств и качеств техники на человека. Порой при метафорическом словопроизводстве наблюдается переход вещественных существительных в разряд конкретных...» [2: 13–14]. Преступнику, очевидно, проще переосмыслить уже имеющееся в языке и придать его значению новый оттенок или смысл, выразить субъективное эмоциональное отношение, что в языке обеспечивается не чем иным, как лексико-семантическими процессами изменения значения, то есть, метафорой, метонимией и другими «описательными», образными средствами. Еще Л.М. Моро-Кристоф образно сравнивал язык преступников с гардеробом, где язык, имея нужду скрыть что-то другое, «облачается в слова маски и рублище метафоры» (цит. по [4: 63]). Перекликаясь с ним, В. Гюго писал в «Отверженных»: «Жаргон – не что иное, как костюмерная, где язык, намереваясь совершить какой-нибудь дурной поступок, переодевается. Там он напяливает на себя маски-слова и лохмотья-метафоры. Так он становится страшен» [5: 306].

Исследователи метафоры неизбежно задаются вопросами «Какую цель преследует творец метафоры?», «Что может выразить метафора?», «Как узнают метафору?» и прочими, сводящимися, по сути, к вопросу о выполняемых метафорой функциях. Н.Ф. Крюкова рассматривает ряд метафорических функций с точки зрения различных вариантов фиксации пробуждаемой ею рефлексии (в рамках филологической герменевтики), имеющих место в пределах трех поясов мыследеятельности (см. [6: 4]). Автором подробно рассмотрены 25 функций метафоры, однако, согласно теории исследователя, перечень функций можно продолжить, положив в основу критерий «типология понимания текста: 3 (П1+2+3) x 7» [Op. cit.: 12]. С позиций герменевтики метафора рассматривается как нечто большее, чем фигура речи, и как видно из утверждений Н.Ф. Крюковой, метафора может выполнять не только стилистические функции (функция рефлексивного выведения на художественную идею, функция введения «чужого голоса», функция многоплановости, функция повышения изобразительности, функция интенсификации смысла, интертекстуально-идентификационная функция, функция построения некоторых повествовательных жанров и др.), но оказывать влияние на смысловую нагрузку (функ-

ция косвенной передачи человеческих интенций, функция субъективации, функция увеличения информации, функция индукции), сближает процессы восприятия действительности продуцентом и реципиентом при обращении к ней (функция высвечивания признака, функция конструктивности, функция открытия нового, функция обеспечения нового знания, функция совмещения несовместимого и др.). Первые (стилистические) функции главным образом характерны для поэтических метафор, участвующих в создании художественности текста; последующие присущи прежде всего языковым метафорам, сама метафоричность которых в конечном счете стирается. При более детальном рассмотрении герменевтических функций метафоры обнаруживается их значительное сходство с социальными функциями аргю.

Вся история аргю связана с историей антисоциальных групп, члены которых, пользуясь аргю, преследовали эзотерическую цель – цель конспирации, зашифровки сообщения. В.А. Хомяков отмечает, что поскольку «аргю – это конспиративный, засекреченный “язык”» [10: 43], примарной из его функций является «функция конспиративной (эзотерической) коммуникации» [Ibid.], или «зашифровка мыслей», как называет ее В.Ф. Пирожков – «Прежде всего он (уголовный жаргон – М.Г.) предназначен для зашифровки мыслей и тем самым обеспечения живучести преступного сообщества. Это достигается постоянными изменениями, происходящими в уголовном языке (его динамизмом), постоянным обновлением словаря» [8: 148] – или «конспиративная функция» в терминах М.А. Грачева – «... (аргю используется <...> для сокрытия намерений, замыслов, действий). Например, вор-карманник в толпе, не боясь того, что окружающие его поймут, может сказать своему “коллеге” следующую фразу: “Дави гусака с вторяка!” (Делай вторую попытку к ограблению намеченной жертвы)...» [3: 14 – 15]. Появившиеся в настоящее время всевозможные интернетные сайты пестрят разнообразными точками зрения по данной проблеме аргю. Так, существует точка зрения, что «секретность» аргю относительна; правоохранительные органы, как правило, владеют этим языком; для цели тайно договариваться в присутствии предполагаемой жертвы преступления в рамках конкретных преступных сообществ создаются разовые коды с использованием обычных слов, которым придаются особые тайные значения. Благодаря таким кодам речь преступника имеет свой обычный смысл для постороннего слушателя. «Скрытность» же языка преступников – показная, с помощью которой они преследуют цель однозначно и ярко противопоставить себя окружающему их обществу. В аргю существует множество слов, которые в силу незначительного отличия от нормативных не возможно считать секретными (ср. *больничка* – ‘больница, любое медицинское учреждение’, *поджениться* – ‘начать более серьезные отношения с женщиной’). Подобные утверждения, по-видимому, основаны на замечаниях Д.С. Лихачева, который еще в 1933 году писал: «...наивно предположение, что вор может сохранять конспирацию, разговаривая на своем “блатном языке”. Это может только выдать вора, а не скрыть задуманное им предприятие...» [7: 56]. Отрицание выполнения функции зашифровки мыслей Д.С. Лихачев объясняет существованием действительно тайных и условных языков в среде преступников, употребляющихся для тайных переговоров и ничего общего не имеющих

с «блатной музыкой» [Op. cit.: 56–57]; «на воровском языке принято говорить между своими и в отсутствие посторонних» [Op. cit.: 57].

Данная точка зрения указывает и на другую функцию арго, на которой делают акцент Т.М. Беляева и В.А. Хомяков и которую выделяют многие другие лингвисты, – функция пароля для распознавания «своих» [1]. Так, В.Ф. Пирожков отмечает, что арго возникло «из объективной потребности распознавания “своих” и выделения их в особую “касту”, противостоящую законопослушным гражданам. В этом уголовный жаргон по своим функциям схож с татуировками» [8: 148]. Лингвисты Т.М. Беляева и В.А. Хомяков подчеркивают примарность этой функции в связи с подвижностью арготирующих. «Здесь наблюдается стратификационная вариативность, поскольку каждый из бродячей массы тех времен узнавал друг друга не только по внешнему виду, но и по манере разговора, жестам, по особому лексикону, присущему той или иной социальной группе и придающему ей некую гомогенность. Поэтому наряду с эзотерической функцией существует функция пароля, которая на первый взгляд несовместима с функцией конспиративной коммуникации, если подходить к кенту как к социально-коммуникативной системе, с точки зрения стороннего наблюдателя» [1: 44]. Авторы также отмечают, что эти две функции могут не только сосуществовать, но и дополнять друг друга, поскольку «эзотерическая лексика и фразеология любого развитого арго <...>, хотя и этого носители арго или не хотят <...>, непонятна для непосвященных и выступает как секретный код» [Ibid.]. При этом для посвященных арго выступает как пароль принадлежности, для непосвященных – как пароль-предостережение. «Именно в этом проявляется особенность диглоссии арготирующих: основная функция арго – функция пароля для своих неразрывно связана с функцией предупреждения для чужих, а функция конспиративной коммуникации, закрывающая доступ в данную социальную группу извне, зависит от наличия/отсутствия тайного характера пароля для своих» [Op. cit.: 44–45]. Таким образом, Т.М. Беляева и В.А. Хомяков примирили две противоположные точки зрения, и с их тезисом трудно не согласиться. М.А. Грачев проиллюстрировал выполнение арго функции узнавания своих следующим образом: «“Ты и я говорим на арго” – значит, “мы одной крови”. В 20-х годах преступники, если они не знали человека, если сомневались в его принадлежности к уголовникам, спрашивали: “Свой? Стушишь по блату?” (Преступник? Говоришь на арго?). Герой романа Г. Медынского “Честь”, профессиональный преступник, спрашивает случайного, оступившегося правонарушителя Антона Шелестова: “По фене ботаешь?” И, видя, что тот не понимает этого арготического выражения, делает вывод, что Шелестов не “свой”» [3: 15]. С.А. Снегов, отличающийся пессимизмом при описании арго – «языка, который ненавидит» – и крайне негативным отношением к преступникам в общем, отмечает: «Любопытно поглядеть, как воры знакомятся (по их термину – обнюхиваются). Они окидывают один другого подозрительным взглядом, долго допытываются: “А Ваську Карзубого знаешь? А Сашку Семафора? С Фатимкой Владивостокским бегал?” Это <...> вручение визитных карточек...» [9: 198]. С точки зрения С.А. Снегова, главной функцией арго выступает его информативность. «Это связано с высокой степенью профессионализма. Вместе с тем, он не достаточен для обслужива-

ния ремесла во всей своей полноте, благодаря чему так развита в нем система намеков и подтекста. Практически он не справляется со своей прямой функцией, и очень многие “качания прав” исчерпываются взаимными уточнениями недосказанного и невыясненного» [Op. cit.: 199–200]. В положениях В.Ф. Пирожкова данной функции соответствуют несколько схожих с ней: «Уголовный жаргон выполняет функцию обслуживания преступной деятельности. Это его главное назначение. Основная терминология в нем должна обозначить содержание и характер деятельности, предметы и орудия преступления, ситуации и объекты преступного посягательства, способы ухода от уголовного преследования и т.п. И, наконец, уголовный жаргон призван обеспечить внутреннюю жизнь криминального сообщества, связанную с дележом добычи, проведением времени, развлечениями, половыми отношениями и т.п.» [8: 149].

Базируясь на приведенных выше классически выделяемых социальных функциях арго, представляется возможным выявить его метафорические функции, помогающие комплексно проанализировать и объективно описать корпус исследуемых арготизмов. Таким образом, комбинируя социальные функции арго с герменевтическими функциями метафоры, подробно описанными в работе Н.Ф. Крюковой (см. [6: 12–17]), нами выделяются следующие метафорические функции арго:

- 1) функция криптолалической конструктивности – создание нового, зашифрованного смысла привычного слова;
- 2) функция открытия нового – создания лексем, обозначающих такие предметы и явления, для которых нет эквивалентов в литературном языке;
- 3) функция усиления экспрессии – арго присущи яркие и эмоционально-окрашенные лексемы, что является его характерной чертой;
- 4) функция косвенной передачи намерений тесным образом связана с предыдущей функцией – экспрессивно-окрашенное, в большей степени негативно-коннотированное арго предназначено для выражения критики, упрека, оскорбления, унижения и т.д.;
- 5) функция криптолалического общения – создание своеобразной метафорической коммуникации, побуждающей к ограничению средств выражения и использованию определенных принятых (закрепленных) средств (добровольный отказ от большого количества лексем «первого», родного языка с целью общения в рамках арготической лексической системы, побочно проверяя принадлежность реципиента к кругу арготирующих).

Подобное сведение функций метафоры и функций арго воедино позволяет утверждать о метафорическом характере не только арго, но и субстандартной лексики в целом.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Беляева Т.М., Хомяков В.А. Нестандартная лексика английского языка. – Л.: Изд-во ЛГУ, 1985. – 136 с.
2. Грачев М.А. Происхождение и функционирование русского арго. Автореф. дис. ... д-ра. филол. наук. – СПб., 1995. – 35 с.

3. Грачев М.А. Язык из мрака. – Н. Новгород: Флокс, 1992. – 207 с.
4. Гуров А.И. Профессиональная преступность: прошлое и современность. – М.: Кампана, 1990. – 470 с.
5. Гюго В. Отверженные. – М.: Правда, 1979. – Т.2. – 800 с.
6. Крюкова Н.Ф. Метафора как средство понимания содержательности текста. Автореф. дис. ... канд. филол. наук. – М., 1988. – 19 с.
7. Лихачев Д.С. Черты первобытного примитивизма в воровской речи. 1933 // Лихачев Д.С. Статьи ранних лет. – Тверь: ТО Рос. фонда культуры, 1993. – С. 54–94.
8. Пирожков В.Ф. Законы преступного мира молодежи. – Тверь: Приз, 1994. – 320 с.
9. Снегов С.А. Язык, который ненавидит. – М.: Края Москвы, 1991. – 351 с.
10. Хомяков В.А. Введение в изучение слэнга – основного компонента английского просторечия. – Вологда: Изд-во Вологодск. пед. ин-та, 1971. – 104 с.

Н. А. Ермолина

АКТУАЛИЗАЦИЯ ГРАММАТИЧЕСКИХ КАТЕГОРИЙ В ПЕРЕВОДЕ

В данной статье рассматриваются переводческие трудности, вызываемые несовпадением грамматических категорий в разных языках, а также существующие варианты перевода фрагментов художественных текстов и их переводов, где такие несовпадения актуализируются. Поскольку грамматические средства играют немаловажную роль в построении смыслов художественного текста, невозможность передачи созданных ими художественных образов нередко приводит к снижению содержательности перевода по сравнению с оригиналом, что исследуется в рамках деятельностной теории перевода (А.Н. Крюков, Н.Л. Галеева, В.М. Жигалина и др.).

Прежде всего, нам представляется целесообразным разграничить понятия актуализации языковой единицы **в тексте** и **в переводе**. В первом случае речь идет о таком использовании средств текста, которое нарушает экспектации «идеального» реципиента (данное определение основано на работе В.С. Соловьевой «Актуализация как средство смыслообразования в художественном тексте») [5]. Под актуализацией языковых средств **в переводе** мы понимаем использование средств, несущих в данном контексте большую смысловую нагрузку, но непосредственно не воспроизводимых в переводе. При этом актуализация грамматической категории в переводе – переводческая трудность, вызванная несовпадением систем данной категории в языке оригинала и перевода (вплоть до полного ее отсутствия в одном из языков), а также невозможностью нейтрализации категориальных различий вследствие большой смысловой нагрузки данной категории. Под нейтрализацией здесь подразумевается упрощение языковой оппозиции в особых условиях ее реализации [6]. В переводе такими условиями можно считать относительную нерелевантность некоторых смыслов, обеспеченных средствами исходного языка, для принимающей культуры. Невозможность нейтрализации является непрямым условием актуализации, поскольку в повседневных ситуациях перевода снятие категориального противопоставления является обычной практикой и редко ведет к смы-